

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ Ю. В. БРОМЛЕЯ, М. В. КРЮКОВА «ЭТНОГРАФИЯ: МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУК, ШКОЛЫ, МЕТОДЫ»

Г. В. Старовойтова

ЕЩЕ РАЗ О ПРЕДМЕТЕ ЭТНОГРАФИИ *

Статья Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова свидетельствует о выходе этнографической науки на следующий уровень обобщения, для которого характерно внимание к вопросам методологии, к определению соотношения онтологического и гносеологического аспектов предметной области этнографии. Необходимость такого разговора давно назрела, так как за последние десятилетия предметная область нашей науки заметно трансформировалась, прежде всего благодаря увеличению удельного веса исследований современных урбанизированных народов и расширению арсенала применяемых методов. Обсуждение этой темы необходимо и потому, что в последний раз объект и границы этнографии так или иначе рассматривались в ходе известной дискуссии о нации, т. е. 20 лет назад. Не случайно участники недавнего обсуждения методики полевых исследований (1985 г.) временами стремились выйти за рамки обозначенной темы и говорить не только о том, *как*, но и о том, *что* нужно исследовать в поле.

Естественно, что все методологические вопросы нельзя решить сразу. Статья оставляет ряд вопросов открытыми для дальнейшего обсуждения. Прежде всего, коренной вопрос об определении предмета и предметно-объектных отношений в этнографии. Авторы считают, что «...предмет каждой науки определяется далеко не произвольно и прежде всего зависит от вычленения из всей совокупности присущих объекту свойств именно тех, что исследуются данной наукой. Следовательно, типичный для данной науки угол зрения создается благодаря наличию у объекта специфических свойств» (с. 46). Однако здесь можно усмотреть некоторую тавтологию, которая становится заметнее, если сохранить в определении только субъект и предикат: «...предмет ... науки ... зависит от вычленения ... свойств ... что исследуются данной наукой». Невольно вспоминаются известные в истории науки аналогии дефиниций, сконструированных сознательно-конвенционально: «Математика — это та наука, которой занимаются математики»; «интеллект — это то, что измеряется тестами интеллекта» и т. д.

Бесспорно предпосылкой вычленения предмета науки (но не более чем предпосылкой) является существование специфических свойств у объекта, которые, впрочем, сами по себе еще не создают «типичный для данной науки угол зрения» (с. 46). Предмет науки определяется также в зависимости от научной традиции, накопленных знаний, разработанности смежных теорий, возможного прикладного значения дисциплины и др. И все-таки до известной степени он конвенционален: о нем можно усло-

* Ссылки на исходную статью даются в тексте.

виться, как условились мы сейчас считать, что наш предмет — «компоненты этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций» (а на прежних этапах развития этнографии эти соглашения были иными). Конечно, конвенционализм не означает полной свободы выбора состава эмпирического базиса науки; он скорее распространяется на «договоренность о терминах», в частности о смысле такого термина, как «этнография», и других ключевых понятий нашей науки (в обсуждаемой статье, к примеру, уточняется соотношение понятий «этнография», «этнология», «культурно-социальная антропология», употребляется условное понятие «отставшие народы» и т. д.). Условность терминов неизбежна, если мы хотим однозначности их понимания, но категориально-понятийный аппарат любой науки, ее теоретические построения и ее эмпирические материалы (допустим, полевые) взаимозависимы.

Поясняя свою точку зрения на предмет, авторы статьи говорят, что ядром предметной области этнографии (этнологии) следует считать традиционно-бытовую культуру (далее — ТБК), поскольку она выполняет «этнические функции». Последние, как можно понять из дальнейшего изложения, это элементы ТБК, которые в свою очередь выполняют функции межэтнической дифференциации и внутриэтнической интеграции. Но для кого эти элементы ТБК являются этноспецифическими — для этнофора, для исследователя? Отражается ли эта специфика в этническом сознании или существует только объективно? Возможна ли ситуация, когда она, напротив, существует только в обыденном сознании (предрассудок)?

Продолжая рассуждение о неизбежной условности терминов развитой науки (неразвитая использует слова естественного языка), хотелось бы остановиться на допускаемом в статье (кажется, впервые) представлении о синонимичности понятий «этнография» и «этнология». Конечно, мы можем договориться считать эти понятия тождественными, а понятие «культурно-социальная антропология» принадлежащим к другому семантическому ряду. Но этимология этих слов и в русском словоупотреблении напоминает об их смысловом различии: ориентации на описательный (идиографический) и теоретический (номотетический) методы исследования. Оба уровня нужны нашей науке — не сохранить ли и оба термина с учетом их различия? Ведь по мере развития этнологической теории может снова возникнуть нужда в соответствующем понятии, а оно будет уже занято. Нет ничего страшного в том, что этнология пока несет печать своего зарубежного происхождения; слова «этнос», «этникос», «этнография» тоже родились не в недрах русского языка. К сожалению, многим читателям эти соображения покажутся схоластическим спором о словах. И все-таки думается, что конвенционализм в терминотворческой деятельности способствует достижению не только однозначности понимания (в противовес многозначности обыденной речи), смысловой отъединенности терминов от понятий естественного языка, но и достижению более высокого, модельного уровня обобщения результатов научной мысли.

Но вернемся к предмету этнографии/этнологии. Во-первых, думается, что в категории предмета раскрывается гносеологический статус объекта. Во-вторых, предмет всякой науки, на наш взгляд, представляет собой *процесс* применения исследовательской процедуры к объекту. Действительно, эмпирический результат не может быть независим от методов его получения. Универсальность принципа дополнительности для естественных и гуманитарных наук, постулированная еще его первооткрывателем, ясно продемонстрирована на материалах социологии, но пока не очень отчетливо осознается в этнографии, хотя этнографы-полевики постоянно сталкиваются с проблемой культурно-ролевого расстояния, остаточного возмущения поля и т. д.¹

¹ Подробнее о принципе дополнительности применительно к этнографии нам приходилось высказываться в отклике на статьи М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна о методике полевых исследований (Сов. этнография. 1985. № 4).

Значение, которое придается методам исследования при определении его предмета, привело специалистов в области теории познания к убеждению в необходимости широко трактовать предмет, включая в него саму эмпирическую область исследования, исследовательские средства и процедуры и даже задачу исследования². Справедливость этой позиции становится понятной, скажем, при сравнении описаний результатов этнографического наблюдения и материалов этносоциологического исследования, выполненных в одном регионе. Иногда может показаться, что это данные разных наук о разных объектах, хотя на самом деле у них большая общая предметная зона.

Авторы обсуждаемой статьи напоминают, что опросные методы в этнографии предшествовали развернутому наблюдению и не являются изобретением этносоциологии. Однако то обстоятельство, что Л. Г. Морган не учитывал принцип культурного релятивизма при конструировании анкет, не может рассматриваться в качестве «органического недостатка» опросных методов. Типичным недостатком современного их использования (и не только в этносоциологии) является неграмотность в сфере методики и техники и недостаточное предварительное знакомство с предметом исследования — об этом написано уже достаточно. Но погрешности присущи любой исследовательской процедуре — и опросу, и наблюдению. Не надо думать, что наблюдатель не задает вопросов. Он задает их себе — и сам дает ответы в меру своих представлений об этнокультурных координатах того исследовательского пространства, в котором находится. В привычных нам земных координатах явственно наблюдается ежедневное движение Солнца вокруг Земли, но в другой координатной системе эта очевидность оказывается нетождественной истинности. И еще раз отметим, признавая всю важность наблюдения, что многие реалии современного предмета этнографии не поддаются наблюдению (этническое самосознание, этнокультурные ориентации и др.).

При определении предметной области нашей науки Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков поставили отчетливый акцент на этноспецифических чертах ТБК и выделили «этнические функции» в качестве критерия для суждения о том, «наш» ли это предмет исследования (с. 46). Вероятно, обозначенная зона исследований для нас важнейшая, но не ограничиваем ли мы тем самым собственные перспективы? Ведь область этноспецифического у всех современных народов сужается; к тому же такой выбор предмета по сути дела ориентирует на преобладание сравнительного метода исследований. Хотя в статье и упомянута необходимость «раскрывать весь облик этноса — не только его отличия, но и черты, общие с другими этносами», но эта задача тоже не выходит за рамки определения сходства-различия при сравнительном рассмотрении. Между тем, как нам кажется, и сегодня остается актуальным выдвинутое Ф. Боасом требование изучать каждый *отдельно взятый* народ во всей совокупности особенностей его культуры, о чем говорят и авторы обсуждаемой статьи.

Согласно мнению лауреата Нобелевской премии, специалиста по прогнозированию будущего мировой экономики В. Леонтьева, сравнение вообще не является научным методом, так как оно доступно и обыденному сознанию. Высказывание это чересчур категорично, но оно подтверждается строгим эмпирическим материалом: В. Ламберт и О. Клайнберг, изучая формирование этнических представлений у детей, убедились, что осознание этнических различий достигается проще, нежели осознание внутриэтнической общности, поскольку различия доступны восприятию уже на чувственном уровне, а представления о единстве требуют обобщения и концептуализации, т. е. более сложных мыслительных процедур³. Естественно, что наша наука, пока только

² См., например, *Щедровицкий Г. П.* Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.

³ *Clinberg O., Lambert W.* Children Views of Foreign Peoples: A Cross-National Study. N. Y., 1967; см. также *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собр. соч. Т. 2. М., 1982.

начинающая обсуждать собственную методологию (между прочим, в числе исторических наук одной из первых) и осваивать точные методы, обращается поначалу к более очевидной сфере — сравнительному исследованию этнической специфики культур (и последующей типологизации). Но стоит ли забывать о другой возможной области этнологических работ, методика которых пока не столь очевидна? Исследовательское значение этой сферы растет по мере сужения зоны этнической специфики.

Я имею в виду вопрос о функционировании культуры этноса в повседневной жизнедеятельности его членов безотносительно к этнической специфике, в форме регулярно повторяющихся стереотипов бытового поведения, передаваемых в диахронии между поколениями и трансформирующихся со временем. Когда говорят о стереотипах поведения, подразумеваются прежде всего регулярно повторяемые формы (или элементы образа жизни), которые хотя и обладают известной социальной значимостью, однако являются внесобытийными⁴ и не осознаются носителями этих форм как «поступки». Стереотипы поведения «одной своей стороной коренятся в сфере обыденного сознания, другой — в эмпирически наблюдаемом пласте традиционно-бытовой культуры»⁵, но и не только в этом ее пласте. Сюда входят, как нам кажется, также те неписанные, но общепринятые нормы повседневного поведения, которые являются важным объектом конкретно-социологического изучения современности⁶. Большое внимание таким «летучим» культурным формам придается в зарубежных этнографических исследованиях городского населения, например в публикациях журнала «Urban Life. The Ethnography Studies», до 1978 г. выходившего в Сан-Франциско. Каков же критерий выделения этой части предметной области этнографии? Чем она должна отличаться от предмета исследования других наук?

Исходя из сформулированного принципа: предмет — это процесс и результат взаимодействия объекта и приложенной к нему исследовательской процедуры, нам кажется возможным ограничиться указанием на способ передачи информации, благодаря которому интересующие нас поведенческие формы существуют. Этот способ сам по себе должен быть предметом исследования, и одновременно он служит критерием выделения той части этнографических исследований (современности или прошлого), для которой этническая специфичность явлений не представляет главного исследовательского ядра. Тут, по-видимому, нет необходимости изобретать что-то новое, так как в ряде выступлений Ю. В. Бромлея и некоторых других авторов уже обращалось внимание на необходимость этнографического изучения культурных форм, передаваемых устно-зрительным (или аудиовизуальным) путем. Здесь видна и общая зона интересов с социологией, где внимание ученых привлечено к «неписанным» нормам поведения. Не совсем понятно, почему этот важный критерий выделения предметной области обойден молчанием в такой всесторонней по охвату информации статье, как обсуждаемая. Вот какие размышления, сомнения и вопросы порождает знакомство с публикацией Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова.

⁴ Подробнее см. *Старовойтова Г. В.* К вопросу об этносоциологическом изучении «образа жизни» // *Этнографические аспекты изучения современности*. Л., 1980. С. 85—92.

⁵ *Байбурин А. К.* Предисловие к книге «Этнические стереотипы поведения». Л., 1985. С. 5.

⁶ О задачах изучения таких норм пишет В. А. Ядов (*Социологическое исследование*. Методология, процедура, техника. М., 1972. С. 113).